

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The woman has long, flowing red hair and is wearing a dark, textured top. The man has short brown hair and a beard, and is wearing a black leather jacket. The background is dark with warm, golden light flares, suggesting an evening setting. The overall mood is intimate and sensual.

Адалин
ЧЕРНО

МОЙ СВОДНЫЙ
ТИРАН

Адалин Черно

Мой сводный тиран

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69966715

Аннотация

– Офигел, братишка? – отталкиваю Глеба от себя, когда он подходит ко мне опасно близко. – Ты же не забыл, что я тут делаю?

– Выбираешь свадебное платье, – кивает он. – Ты же помнишь, что мне плевать?

– Если сделаешь еще шаг, я позову маму, – решительно произношу и выставляю между нами руку.

Он умело перехватывает мою кисть, обхватывая ее ладонью, и толкает меня к стене, смотря так, что я задыхаюсь.

– Наши родители еще женаты, – бормочу я.

– Да.

– Я выхожу замуж...

– Ага.

– Я буду...

– Да, да, – кивает он. – Кричать. Я в курсе. Можешь уже начинать, потому что я собираюсь поцеловать тебя.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	65
Глава 11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Адалин Черно

Мой сводный тиран

Пролог

– Девушка, аккуратнее, – зло бросает пожилая женщина, когда я в спешке невольно толкаю ее в плечо.

Я должна успеть! Должна!

По пути к зданию аэропорта я то и дело посматриваю на часы. Вот-вот будет разрешена регистрация на его рейс, и я больше не смогу попрощаться, не смогу его увидеть. Я даже не успеваю разблокировать его в телефоне и позвонить, чтобы что-то сказать.

Я влетаю в здание аэропорта как раз тогда, когда объявляют регистрацию. Его вижу почти сразу. Он стоит в обнимку с моей мамой, а потом пожимает руку отцу и обнимает за одно плечо.

Я больше не могу идти. Просто стою и смотрю на то, как он берет сумки и... поворачивается ко мне.

Всего пара мгновений нужна Глебу, чтобы увидеть меня, и еще пара, чтобы бросить сумки и сквозь толпу пойти ко мне. Остановившись в метре от меня, он резко хватается за руку и ведет в сторону, открывает дверь и заталкивает меня внутрь небольшого то ли кабинета, то ли подсобного

помещения.

Пару мгновений мы просто смотрим друг другу в глаза. Глеб рвано дышит и прожигает меня взглядом, а я боюсь сморгнуть, чтобы это мгновение не исчезло.

– Зачем ты пришла? – хрипит он. – Заче-е-е-м, Мариш?

– Попрощаться, – выдыхаю. – Я хотела попрощаться, потому что так... Так неправильно.

– Знаешь, что неправильно? – с ухмылкой произносит он. – То, что я уезжаю, а ты остаешься. То, что мы расстаемся из-за каких-то чертовых журналистов. Вот что неправильно.

Глеб хватает меня за плечи и чуть встряхивает, а потом, будто осознав, что делает мне больно, ослабляет хватку и поглаживает кожу. Я откидываю голову на стену и закрываю глаза. Так жутко больно внутри, что я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Ты чувствуешь? – шепчет он, наклоняясь ко мне на небезопасное расстояние.

– Что?

– То, что происходит. – Его ладонь аккуратно ложится на мою щеку, он легонько проводит пальцами по скуле и прижимается ко мне лбом. – Я не хочу отпускать тебя.

Я мотаю головой, прогоняя дурман, что кружит голову. Я не должна даже думать о нас. Нас не существует. Не может существовать.

Но сердце отчаянно тянется к нему. Я кладу руки на его плечи и решаюсь поднять голову, чтобы посмотреть ему в

глаза. Там горит огонь, в котором мы оба сгораем, потому что в следующую секунду я абсолютно не отдаю себе отчета в том, что делаю.

Вместо того чтобы этими самыми руками оттолкнуть Глеба подальше, я сжимаю красную ткань его свитера в ладонях и притягиваю к себе. Встаю на носочки и тянусь к нему, чтобы поцеловать. Наши губы соприкасаются, Глеб произносит что-то, чего я не понимаю, хватает меня рукой за затылок и толкает на себя. Он берет мои щеки в свои ладони и целует так, что сердце начинает отбивать чечетку и стучать так, что тяжело сделать даже вдох.

– Я же не могу отпустить тебя, дурочка, – шепчет Глеб в перерывах между поцелуями, которыми теперь покрывает не только мои губы, но и щеки, глаза, скулы. Он оставляет поцелуй за поцелуем на моем лице, убирая капли слезинок, что скатились по щекам.

– Прекрати, пожалуйста, – шепчу и немного отстраняюсь, но не могу удержаться и обнимаю его за шею, утыкаясь в плечо.

Я не могу его отпустить, не могу. Господи, почему же так сложно? Мама говорила, что будет легче, что я забуду, выброшу его из головы и перестану думать, а впоследствии еще и скажу спасибо за то, что все так сложилось. Я бы хотела ей верить, но когда смотрю на Глеба, не могу, потому что он глубоко засел в моем сердце.

– Поехали со мной, Мариш, поехали. – Он отстраняет ме-

ня и обхватывает за плечи. – Там нас никто не будет знать, там мы сможем быть вместе. А здесь все забудут. – Глеб чуть сильнее сжимает пальцы на моей коже. – Пожалуйста, скажи «да».

– Да.

Я ни о чем не задумываюсь, лишь киваю и вновь бросаюсь к нему в объятия. Глеб крепко прижимает меня к себе, а я думаю о том, что шла сюда, чтобы попрощаться. В последний раз увидеть его и сказать «Прощай».

– Ты точно приедешь? – с недоверием спрашивает он.

Киваю.

– Да, да, приеду. Нужно все сделать и сдать экзамены, после чего я точно приеду, – уверенно шепчу. – Обещаю!

Глеб целует меня в последний раз, переплетает наши пальцы и подносит руку к губам. И смотрит так, что я ни на секунду не сомневаюсь в том, что он чувствует то же, что и я.

– Сколько тебе нужно времени?

– Месяц. Но я постараюсь раньше.

– Я буду ждать. – Глеб целует меня в щеку, чуть царапая щетиной нежную кожу, и шепчет что-то еще, но я больше не слушаю его, лишь зажмуриваюсь и молюсь, чтобы это не было сном.

Спустя месяц

– Ну что? – Ко мне подбегает Лидка. – Получила?

– Да!

Мое лицо, уверена, светится от счастья. Через несколько дней я уеду к Глебу, увижусь с ним. У меня начнется новая жизнь: поступление в другой университет, переезд... Мне столько придется делать самой, но разве это важно, когда рядом любимый человек?

– Ты звонила ему? – интересуется подруга.

– Еще нет. Позвоню по пути домой.

– А билет забронировала?

– Да.

Подруга кивает, и мы прощаемся. Вызвав такси, сажусь на заднее сиденье и, махнув Лидке на прощание, снимаю блокировку с телефона. Набираю Глеба, но он вне зоны действия сети. По пути звоню ему еще несколько раз, но безрезультатно. Его телефон все так же выключен. По этому поводу я не переживаю, потому что такое происходит не в первый раз. Глеб всегда перезванивал.

И только вечером, когда Глеб, все же не отвечает, я начинаю волноваться, так что даже звоню маме и спрашиваю, не разговаривал ли Глеб сегодня с родителями. Оказывается, нет. Она обещает связаться с ним и перезвонить мне. Когда телефон оживает трелью, я тут же хватаю его, но ничего нового не слышу.

– Мариш, он вне действия сети, – сообщает мама. – Не переживай, Давид иногда по несколько раз не может к нему дозвониться. Наверное, в метро или еще на занятиях, у них

же сейчас обед.

– Я не переживаю, – безбожно вру маме. – Просто подумала: вдруг вы разговаривали.

– Ты точно в порядке? Хочешь, приезжай к нам.

– Нет, я в порядке, – опять вру и, попрощавшись, отключаюсь.

Побродив немного по дому, сажусь за чтение зарубежных новостей. Вдруг в Нью-Йорке что-то случилось, а я совсем не в курсе. Получасовое брожение по просторам интернета ничего не дает, я только сильнее накручиваю себя. К полуночи раз за разом нервно набираю номер Глеба, но ничего не происходит. В итоге забываюсь сном, не понимая, что же на самом деле случилось и почему он не отвечает даже в то время, когда уже должен вернуться из университета.

И только утром я слышу долгожданные гудки. Один, другой, третий. По ту сторону телефона отвечает девушка. Я с ужасом понимаю: что-то случилось. Возможно, Глеб попал в аварию или сломал ногу. Да что угодно!

Нахожу в себе силы сказать:

– Здравствуйте. С Глебом что-то случилось, да?

Не сразу понимаю, что девушка по ту сторону может и не знать его имя. Она может быть обычной медсестрой.

– Нет, – уверенно говорит она. – Он в душе.

– Он... что?

– В душе, – равнодушно отвечает она. – Моется. А кто его спрашивает?

Несколько минут я просто моргаю и смотрю перед собой.

Что значит – он в душе? А она кто?

– Девушка, вы кто? Я передам, что вы звонили.

– А вы? – шепчу едва слышно.

– Его девушка, – гордо произносит она.

– Не говорите ему, что я звонила, – бросаю и отключаюсь.

Несколько мгновений я просто сижу и пытаюсь осознать то, что услышала. У Глеба есть девушка? А я? Кто тогда я, если она его девушка и она там, по другую сторону телефона, ждет, когда он выйдет из душа?

* * *

Пару дней я провожу в абсолютной прострации. Не могу ни есть, ни пить, ни что-нибудь делать. Все время думаю о том, почему так произошло и за что Глеб так со мной. А еще меня терзают мысли о том, как давно это началось и почему он не сказал раньше, что все наши отношения ложь и на самом деле он не так уж сильно любит меня.

К вечеру третьего дня ко мне в квартиру прибегает Лидка. Она настойчиво звонит в дверь и не дает ни единой возможности отвертеться от посещения. Я открываю и буквально падаю ей в объятия, после чего подруга три часа уговаривает меня позвонить Глебу и спросить, почему он так поступил. Ну или хотя бы взять трубку, потому что несмотря на то, что я три дня страдала, он звонил буквально каждый вечер.

Я была бы не я, если б не последовала совету Лиды. К тому же я и сама думала поговорить с ним. Что, если никакой девушки нет? Может, это была его однокурсница, которой он сильно нравится, вот она и решила насолить мне.

Чем больше я об этом думаю, тем четче в голове складывается пазл. Я начинаю верить, что все так и есть, и жду, что сегодня Глеб тоже будет звонить, но он не звонит. Телефон предательски молчит, а на глаза снова наворачиваются слезы. Нос моментально становится красным, а сердце бьется, как в приступе тахикардии.

Мне плохо без него.

Я хочу услышать его голос.

И я уверена, что никакой девушки у него на самом деле нет.

Чтобы не дожидаться, когда Глеб позвонит, набираю его сама. С предвкушением жду, когда вместо гудков в трубке раздастся его голос, и когда это наконец происходит, телефон едва не выпадает из моих рук от неожиданности.

– Привет, – растерянно произношу я.

– Привет, – уверенно отвечает Глеб. – Как дела?

Что что-то не так, я понимаю сразу. Раньше между нами не было неловкости, мы всегда знали о чем поговорить и могли часами рассказывать друг другу о чем угодно. Сейчас же мы просто молчим. В голове проносится рой мыслей. И то, что он таки любит другую, и то, что у него что-то произошло, и то, что случилось ужасное. Я хочу задать кучу вопросов,

но не знаю, с чего начать.

– Как ты? – спрашиваю после дежурного ответа «Все в порядке».

– Мариш, я... – Он вздыхает и замолкает, переводит дыхание, а затем выдает: – Я действительно встречаюсь с Эммой.

– Понятно, – это единственное, что я могу ответить.

Слова, которые девушки обычно высказывают парням, когда те им изменяют, напрочь выветриваются из головы. Я думаю только о том, почему все так случилось и изменилось бы что-то, поедь я к нему на несколько недель раньше.

Странно, виноват вроде бы Глеб, а я уже готова взять на себя вину. И за что только, спрашивается? Ведь это он, он, а не я нашел другую! Он влюбился и оставил все объяснения на потом.

– Мне очень жаль, – произносит он дежурную фразу. Впрочем, его голос не выражает совсем никаких эмоций.

– Ах, тебе жаль? – только сейчас я срываюсь на крик, чувствуя, как меня обуревают злость и обида. – Знаешь что, Царев...

Договорить не получается, потому что Глеб бросает трубку. Мгновение я просто смотрю на экран, потом набираю его снова, но он уже не в сети. Я вскакиваю и начинаю ходить по комнате. Адреналин в крови зашкаливает до невероятных пределов. Я зла на Глеба, на то, что он сделал, и понимаю, что еще не до конца осознаю случившееся.

Только к вечеру меня накрывает осознание. Он встречается с какой-то Эммой, а я ему не нужна. Забронированные билеты придется сдать, а еще объяснить в университете, что переводиться я передумала. Поначалу, конечно, хочется поехать им назло. Встретиться с Глебом лицом к лицу и сказать все, что я о нем думаю. А еще посмотреть на эту самую Эмму. Она правда лучше меня?

Этого я, конечно же, не делаю. Понимаю, что так станет хуже только мне и никому больше. Глебу наплевать и на меня, и на мои чувства, а я буду терзать себя каждый раз при виде их счастливой пары.

Ночью я плачу. Заедаю тоску мороженым и реву, как дурочка. Жизнь кажется мне разрушенной и законченной. А еще я обещаю себе, что больше никогда не доверюсь ни одному мужчине. Пошли они все... Без них ведь хорошо, правда?

Наутро из отражения на меня смотрит не веселая, жизнерадостная и светлая девушка, а ее подобие. Только потом я вспоминаю слова мамы и то, как она говорила, что я обязательно обо всем забуду.

Я забуду! И стану счастливой ему назло.

Глава 1

Спустя три года

– Мариш, захвати салат со стола! – кричит из гостиной мама.

Я поворачиваюсь к столешнице и хватаю салатницу с оливье. Иду в гостиную, ставлю ее в центр стола и сажусь рядом с Мишей. Мы встречаемся два с половиной года. Он стал тем единственным, которого я все-таки подпустила к себе. И этого бы не произошло, если бы однажды вместо Лидки в кино не пришел он. Я не знаю, как ему удалось подговорить подругу, или подруге его, но мы сидели в кино вместе, общались, обсуждали сюжет, а потом несколько часов гуляли по набережной и просто узнавали друг друга. Через месяц Миша предложил мне встречаться, и я ответила согласием.

Я до сих пор помнила его настойчивые ухаживания. Цветы, внимание, заботу. Я не могла ему отказать, хотя не чувствовала глубокой любви. Думала, да и сейчас думаю, что приложится. Я все еще не люблю его. Не потому, что с Мишей что-то не так: он прекрасен, самый лучший парень, который мог у меня появиться. Но глубоко в моем сердце – кровавый рубец, который никак не заживает.

– Мы кого-то ждем? – Замечаю, что ужин стоит, шампанское открыто, но мама с Давидом не спешат накладывать на тарелки еду и разливать напиток по бокалам.

– Глеба, – тихо говорит Давид. – Он вот-вот должен приехать.

Мне кажется, я сглатываю так громко, что это слышат все присутствующие, несмотря на моего братика Кирилла, носящегося по комнате с пистолетом.

– Понятно, – киваю я и выдавливаю улыбку.

Миша знает меня слишком хорошо, поэтому обеспокоенно всматривается в мое наверняка побледневшее лицо и осторожно касается вдруг начавших трястись рук.

– Все в порядке?

– Да, конечно, что-то разболелась поджелудочная, – безбожно вру я и встаю. – Пойду выпью таблетку.

Миша ничего не знает о Глебе. Единственный человек, которому известна вся правда, – Лидка. Она с самого начала знала все, что между нами произошло. Даже маме я соврала, сообщив, что не поеду, потому что не хочу.

– Мариш, – мама останавливает меня, когда я уже почти выхожу из гостиной, – ты в порядке?

– Конечно. Выпью таблетку, и все будет хорошо.

Я поднимаюсь в комнату, которая когда-то была моей. Здесь все почти так же, за исключением того, что нет моих вещей. Все та же кровать, стол, стул, полочки, где раньше стояли мои фотографии, книги и статуэтки.

С тоской обвожу взглядом комнату и сажусь на кровать. Упираюсь руками в кровать и смотрю в пол.

Сегодня приедет Глеб.

Совсем скоро.

Возможно, уже приехал.

Руки начинают трястись сильнее, а я понимаю, что никаких таблеток в моей сумке нет. Даже валерьянки, которая сейчас пригодилась бы.

Я прислушиваюсь к звукам в доме и около него. Ни звука мотора, ни приветствий, ничего из этого не слышно, поэтому я позволяю себе немного расслабиться и отвлечься. Вспоминаю ухаживания Миши, то, как он едва ли не на каждом свидании дарил мне цветы, как водил гулять, покупал мороженое и шоколадки, а еще носил на руках. И не в переносном смысле, а в прямом. Разве существует парень лучше, чем он?

Тоскливое сердце напоминает о себе и сжимается при одном упоминании Глеба.

Решительно встав, иду в ванную и долго держу руки под холодной водой. И только потом прикладываю их к щекам. Отрезвляет, но не настолько, чтобы решиться спуститься вниз и увидеться с тем, кто разбил мое сердце.

За мной приходит Миша. Я слышу, как он заходит в комнату и зовет меня, как медленно подходит к двери ванной и стучит. Он никогда не заглянет без разрешения, не ворвется внаглую, как это делал Глеб.

Перед глазами появляются предательские воспоминания.

Однажды вечером Глеб влетел ко мне в ванную. Он и не подумал стучаться или спрашивать, можно ли войти. Он просто нажал ручку, открыл дверь и, ехидно ухмыльнувшись, прислонился к косяку.

– Хочешь быть красивой? – кивнул на маску на моем лице. – Ты и так прекрасна.

– Мариш... – Голос Миши вырывает меня из воспоминаний. – С тобой все в порядке? Я волнуюсь!

Глеб бы не ждал, пока я отвечу. Будь дверь закрыта – выбил бы ее...

Снова Глеб. Снова он и воспоминания о нем!

– Да, все в порядке! – кричу слишком громко. – Можешь войти, – решительно добавляю, чтобы не дать себе времени для отступления.

Миша входит в ванную и, запнувшись у порога, ступает дальше.

– Ты побледнела, – кивает на мое лицо. – Хочешь, поедem домой?

Я хочу сказать «да» и уехать, дать себе время смириться с тем, что Глеб переступил границу нашей страны, города и почти дома, который раньше был нашим. Но не могу себе этого позволить, потому что сегодня день рождения мамы. У меня просто нет на это права.

– Нет, все в порядке. Я выпила таблетку, и мне уже легче.

Я второй раз за сегодня вру Мише. И все из-за того, кто когда-то наплевал на нас, на наши чувства.

Беру Мишу под руку.

– Идем. Скоро мой брат приедет.

– Ты не говорила, что у тебя есть брат, – замечает Миша.

– Он не так важен, – отмахиваюсь. – И он не родной мне.

Давид с мамой сошлись, когда мы были уже взрослыми.

Миша кивает, и мы вместе выходим из комнаты. Решительность придает мне уверенности. Я не хочу видеть Глеба, но понимаю, что это неизбежно. Он прилетел, и этого не изменить.

Мы вместе спускаемся, и я слышу шум голосов. Говорит мама, Давид и... Глеб. А еще я отмечаю писклявый и противный женский голос. Неужели Эмму притащил? Или Стеллу. Или Джессику. У него баб наверняка вагон и маленькая тележка!

Я не успеваю понять что делать, как мы уже выходим в прихожую. Глеба я замечаю сразу: высокий, статный. Кажется, он стал в раз двести привлекательней, а его улыбка – в разы обаятельней. Именно ей он улыбается моей маме и вручает подарок. Она не пропадает с его лица до тех пор, пока он не замечает меня. На мгновение улыбка гаснет, но тут же появляется вновь. Он делает несколько широких шагов и заключает меня в объятия со словами:

– Как же я соскучился, сестренка.

Глава 2

– И я, братишка, – отвечаю с той же радостью, что и он, а еще крепко обнимаю его за шею и вгоняю ногти с такой силой, что он тут же отстраняется.

Мы буравим друг друга взглядами три секунды. Ровно столько его девушка позволяет ему смотреть на кого-то кроме нее.

– Привет, Марина, – щебечет она. – Так много о тебе слышала!

– А я о тебе ничего, – пожимаю плечами и игнорирую ее протянутую руку.

Сейчас я готова забыть даже о том, что сегодня день рождения моей мамы, и свалить сразу. Если к появлению Глеба я хоть как-то себя подготовила, то к тому, что он появится со своей девушкой, совершенно точно нет.

– Я Миша, – встречается в разговор мой парень. – Приятно познакомиться с братом моей девушки...

Лицо Глеба меняется за секунду. Он удивленно приподнимает бровь и смотрит на Мишу уже не как на предмет мебели, а с интересом.

– Девушки? – переспрашивает он, чем вызывает у меня приступ то ли гнева, то ли раздражения.

Ему-то какое дело, кто мне Миша. Парень, жених, муж!

– А я София, – представляется девушка.

Значит, все-таки не Эмма. Видимо, и с ней расстался так быстро, как только мог. Сразу, как встретил другую девушку, которая подошла ему больше. Или была ближе.

– Проходите к столу, – щебечет мама и, обняв Глеба за плечи, ведет его в гостиную.

Мы же с Мишей следуем сзади, откуда я прекрасно могу оценить девушку Глеба. Выглядит она, как настоящая модель: длинные изящные ноги, накачанная задница, тонкая талия. Грудь я успела оценить сразу, как только София подошла ко мне. Там все в полном порядке: крепкая троечка, не меньше.

Мы садимся за стол. Глеб берет Софию за руку и помогает ей опуститься рядом с собой. Мы с Мишей садимся напротив. Теперь что-то ни есть, ни пить не хочется, настроение напрочь пропало. Хочется просто сбежать, но приходится остаться и даже держать лицо, улыбаясь.

– Ну рассказывай, как дела с учебой? – спрашивает Давид у сына. – Сложно было учиться там?

– Да нет. – Глеб пожимает плечами. – Ты же знаешь, я старался.

– Знаю. – Давид кивает. – Теперь будет кому оставить компанию.

Стоп, что? Глеб собирается остаться здесь? Нет же, нет! Я работаю в компании Давида, как-никак. И периодически помогаю маме в ее деле.

– Собираешься отойти от дел? – спрашиваю у Давида и

сама не замечаю, как сжимаю под столом кулаки.

Пожалуйста, пусть скажет «нет».

– Не сразу, конечно, – отвечает он. – Но с понедельника новым начальством будет Глеб. Я буду только помогать и вводить в курс дела.

Я что, сплю и у меня кошмар? Поверить в реальность происходящего очень сложно. Меня будто выдернули из привычного счастливого мира и окунули в то, что я пыталась забыть долгих три года. Мне придется работать с Глебом бок о бок. Собираться на совещаниях, предоставлять отчеты, давать предложения, потому что я работаю дизайнером. И предстоит всю работу согласовывать с Глебом.

– Малыш, с тобой все в порядке? – Миша сжимает мою руку и заглядывает мне в лицо.

Я вынужденно киваю и шепчу ему на ухо:

– Я отойду. Мне что-то нехорошо. Ты побудь со всеми.

Я снова сбегаю. На этот раз на кухню. Осматриваюсь и, заметив барную стойку, иду к ней. В носу начинает привычно щипать, когда я думаю о том, что случилось между мной и Глебом.

– Решила сбежать, чтобы меня не видеть?

Его голос я узнаю из тысячи, хоть и не слышала его уже давно. Он разговаривает все так же ехидно и дерзко, будто во всем прав и кроме его мнения не существует другого.

– Решила передохнуть от разговоров о работе, – шиплю.

– А ты не изменилась, – комментирует мое шипение Глеб,

обходя барную стойку.

Замечаю его усталый вид.

– Зато ты изменился. Постарел, поистаскался... Сложно тебе с...

Вовремя прикусываю язык, вдруг осознавая, что чуть не сказала о его девушке. Мне-то, собственно, какое дело?

– С кем?

– С работой, – пожимаю плечами. – Сложно закончить учебу и сразу на работу?

– Я успел отдохнуть.

Глеб останавливается напротив меня и, засунув руки в карманы, усмехается. А еще нагло осматривает меня с ног до головы. И прожигает своими невозможными глазами так, что тут же хочется закрыться от этого пристального внимания. Я слишком хорошо помню и знаю этот взгляд, чтобы не понимать, что он значит и к чему ведет. Инстинктивно пожимаю плечами, как бы сбрасывая напряжение, и отворачиваюсь, делая вид, что мне интересен бокал для виски.

Я отвлекаюсь, и это становится роковой ошибкой. Не услышав, как Глеб подходит ко мне, вздрагиваю от неожиданности, когда его руки ложатся на мою талию и тянут на себя. Он ничего не говорит и, кажется, даже не дышит. Мы оба, как окаменевшие, просто стоим в обнимку. Я не в силах его оттолкнуть, а он... Что он делает вообще? В соседней комнате его девушка и мой парень, которые в любой момент могут сюда войти, а еще наши родители и...

– Я так соскучился по тебе, Марина, – шепчет он и разворачивает меня лицом к себе.

Я замираю и смотрю в одну точку на его груди. Замечаю небольшое красное пятнышко на рубашке и зацикливаюсь на нем, чтобы не думать о том, что происходит. Я не хочу думать. Сердце отбивает чечетку, к горлу подступает спазм, не позволяющий мне ни сделать вдох, ни что-либо сказать.

– Боже, Марина, ты все такая же, – с усмешкой произносит он, а мое сознание рисует эту самую усмешку: ямочки на щеках, идеально ровные белоснежные зубы и уголки губ, так задорно поднятые вверх.

Пока я думаю о его улыбке, он переносит руку на мой подбородок и вынуждает меня поднять голову. Всмотривается в мое лицо и останавливает взгляд на глазах.

– У тебя нереальные глаза. Всегда был готов утонуть в них, – зачем-то говорит Глеб. – Он тоже готов?

– Кто?

Не сразу понимаю, о ком он говорит.

– Твой парень. – Глеб смеется.

Я вдруг вспоминаю Мишу. То, как он ухаживал за мной, и то, что он сейчас сидит и переживает, потому что его девушке плохо, а на самом деле...

– Отойди от меня, Царев, – шиплю я и отталкиваю Глеба, что есть сил.

Он отходит всего на несколько шагов, засовывает руки глубоко в карманы брюк и констатирует:

– Время прошло, а ты не изменилась. Я даже удивлен, как легко ты забыла о Мише.

Глава 3

Мой ответ тонет в звуке открываемой двери. На кухню заходит мама, окидывает взглядом вначале меня, а потом Глеба и произносит:

– Сынок, там тебя София ищет. – Мама улыбается и подходит ближе, вставая между Глебом и мной.

Он кивает и, бросив на меня взгляд, выходит из комнаты. Я же остаюсь на месте и неловко отворачиваюсь, рассматривая кухонный гарнитур. Надеюсь, что мама ничего не заметит и мы просто вернемся назад, как ни в чем не бывало сядем за стол и продолжим ужин, но у нее, судя по всему, другие планы. Она убеждается, что Глеб ушел, и только потом поворачивается ко мне. Проходится взглядом по моему лицу и шумно вздыхает.

– Я думала, что все прошло. Не хочешь рассказать, почему не поехала тогда к Глебу?

В знак протеста мотаю головой и крепче сжимаю поверхность барной стойки за спиной. Я знала, что рано или поздно мама обязательно спросит об этом, но не думала, что это произойдет сегодня.

– Ты ведь соврала мне три года назад, правда?

Убедившись, что ее голос звучит не обвиняюще, киваю. А что говорить, когда моя мама – вот такая. Подмечает каждую мелочь и умело читает меня по глазам и эмоциям. То-

гда, в прошлый раз, я сообщила ей обо всем по телефону и долго-долго репетировала, прежде чем сказать, что никуда не поеду. Спустя неделю мы увиделись, но я была настолько беззаботной и веселой, что спрашивать о нас с Глебом она не стала. А потом было как-то не до этого.

Сейчас все по-другому. Она отчетливо увидела, что между нами что-то не так, прочитала все по моему лицу и задала прямой вопрос:

– И почему же ты не поехала?

– У Глеба появилась девушка.

Я пожимаю плечами и, оттолкнувшись от барной стойки, обхожу маму со спины.

– Мы идем ко всем?

– Конечно. Сразу, как ты скажешь, почему все скрыла.

– Это имеет значение теперь?

– Имеет, Марина. – Она кивает. – Если бы я знала, что моя дочь обижена на парня, которого любила, потому что он нашел другую, я бы как минимум предупредила ее о его приезде.

Вот теперь мама смотрит на меня с укором. Мне невыносимо видеть ее такой, и я отворачиваюсь. У нас всегда были хорошие, если не сказать идеальные, отношения: она поддерживала меня, когда это было нужно, старалась давать советы, и теперь я чувствую себя виноватой из-за того, что скрыла от нее все. Что сказать – не знаю, потому что оправданий моему поступку нет.

Украдкой посматриваю на маму. Она больше не смотрит с неммым укором, просто подходит ближе и обнимает меня.

– Ты же знаешь, что всегда можешь положиться на меня и рассказать все. – Она крепко сжимает меня в объятиях, а я думаю о том, что лучше бы она на меня накричала, чем вот так.

Я чувствую себя предательницей, которая не подумала о самом близком человеке. На глаза вдруг наворачиваются слезы, и я тоже крепко обнимаю маму. А еще пытаюсь прийти в себя и не заплакать, чтобы не растекся макияж.

– Я не могла рассказать, – тихо шепчу. – Мне было так больно...

– Эй, ну все. – Мама, видимо, понимает мое состояние. Она отстраняется, чтобы не провоцировать слезы. – Но потом ты мне все расскажешь, ладно? Я хочу все знать, малыш.

Меня хватает только на то, чтобы кивнуть. На большее я просто не способна.

– Идем к гостям? – Мама заглядывает мне в глаза.

– Да, идем. Только дай мне пару минут, ладно?

Мама молчит, но я вижу, что она хочет о чем-то спросить, поэтому смотрю на нее и жду вопроса.

– Между вами что-то есть? – спрашивает она. – А как же Миша?

– Между нами с Глебом ничего нет, мам. Ты правильно сказала: я просто обиженная на парня девочка. И мы просто разговаривали здесь.

Надеюсь, мой голос звучит убедительно, потому что внутренне я не чувствую того, о чем говорю. Знаю, что какая-то часть чувств к Глебу все еще осталась. Возможно, это ненависть, которая слишком долго жила в моей душе, возможно, обида, но я точно не могу быть спокойной рядом с ним. Внутри все сжимается и выворачивается от желания то ли расцарапать ему лицо, то ли броситься в объятия, потому что я таки рада его видеть.

Не могу понять, верит мне мама или нет, но она кивает и следует к двери. Мы вместе возвращаемся к гостям и первое, что бросается в глаза, – это София, буквально повисшая на Глебе. Она что-то бормочет ему на ухо, а он, кажется, даже не слушает ее и смотрит прямо на меня.

Веду плечами, сбрасывая напряжение, и сажусь рядом с Мишей. Беру его за руку и улыбаюсь, а потом склоняюсь к уху и говорю, что все уже нормально.

– Точно? Может, домой поедем? – предлагает он.

– Нет, все хорошо.

Я накладываю ужин на тарелку себе и Мише, Давид наливают в бокал шампанское, от которого я хочу отказаться, но мне не дают. Я благодарно киваю, и мы звонко чокаемся бокалами в знак приветствия. Не скажу, что приемлю алкоголь, но в семейном кругу просто не могу отказать в том, чтобы хотя бы пригубить.

В итоге мне не позволяют ограничиться парой глотков. Все выпивают до дна, да и Миша настаивает. И только когда

вместе с игристым напитком в рот попадает что-то твердое, я все понимаю. Медленно глотаю жидкость и достаю изо рта кольцо, удивленно смотря на Мишу. Он же поднимается, обходит меня со спины, разворачивает к себе и встает на одно колено, произнося:

– Марина, ты выйдешь за меня замуж?

Глава 4

У меня пересыхает в горле. Я сглатываю и смотрю на Мишу, который не поднимается и ждет моего ответа. Все, кажется, замерли в ожидании. Я же не знаю, что говорить. К этому все шло. Мы встречаемся уже не один год, между нами давно все серьезно и Миша не раз говорил, что видит меня своей женой. Наверное, сделай он предложение в другой день, вчера или час назад, я бы даже не думала, но сейчас...

Я отчетливо чувствую, как покалывает плечо и горят щеки. Так происходит всегда, когда Глеб на меня смотрит. Еще с университета. Я стояла с подружками, а он прожигал меня взглядом. Это чувствовалось, и чтобы убедиться, достаточно было только повернуть голову и найти его взглядом.

– Мариш, – шепчет Миша.

Я растерянно моргаю и оборачиваюсь. Глеб действительно смотрит. Сжимает руку своей девушки и позволяет ей приклонить голову к плечу, а сам, как и всегда, прожигает меня взглядом. Злость волной поднимается внутри. Мне хочется, чтобы ему было так же больно, как и мне. Хоть чуточку. Я понимаю, что он давно ничего ко мне не чувствует. У него есть София, идеальная девушка с невероятной фигурой и грудью, которой у меня никогда не будет.

Его взгляд будто говорит: «ну же, Марина, вспомни, что Миша твой парень, и ответь ему».

– Я согласна, – шепчу едва слышно, все еще смотря на Глеба.

На то, как он с силой сжимает челюсти и даже чуть ведет плечом, так что София отстраняется и обеспокоенно смотрит на него.

Я отворачиваюсь. Улыбаюсь и уверенно отвечаю:

– Да, Миша, да.

На глазах выступают слезы. В другой раз я бы списала это на трогательность момента и то, что о таком мечтает каждая девушка. Вот я и расчувствовалась.

Но сейчас...

Я знаю, откуда слезы, но говорю себе, что они от счастья. Я стану женой парня, который искренне любит меня и хочет жениться. Я мечтала об этом, разве нет? Быть счастливой и любимой.

Внутри что-то неприятно колет, когда Миша надевает кольцо мне на палец, но я отбрасываю это чувство куда подальше. «Я все сделала правильно», – то ли убеждаю себя, то ли действительно так думаю.

Справившись с кольцом, Миша поднимается на ноги, берет меня за руку и притягивает к себе. Я вижу, что он любит меня, читаю это по его глазам, по тому, как он обнимает меня за плечи. Где-то в глубине души понимаю, что это правильно, но сердце все равно не принимает мой выбор.

Следующими после объятий Миши становятся поздравления. Вначале от мамы, а потом и от Давида. Я благодарю

от всего сердца и надеюсь, что Глебу не придет в голову поздравлять меня так же. Но он встает. И его София тоже.

– Это так трогательно! Такое чудесное предложение! Надеюсь, у меня будет такое же! – щебечет она мечтательно и поворачивается к Глебу, но он будто не замечает ее внимания и смотрит на меня. – Поздравляю, – говорит напоследок девушка и отступает.

Настает очередь Глеба. Надеяться, что он из поздравлений не сделает черт-те что, не приходится. Я понимаю, что он отыграется по полной программе.

Глеб подходит, протягивает руку и прижимает меня к себе настолько сильно, насколько это вообще возможно.

– Поздравляю, сестричка, – буквально поет он. – Желаю тебе счастья и любви! – Он выкрикивает последние слова так громко, как может.

Их слышат и Миша, и мама с Давидом. Все улыбаются, и я думаю, что все закончилось, но Глеб притискивает меня ближе и произносит:

– Ты не выйдешь замуж за этого хлюпика.

Ни возмутиться, ни что-то сказать я не могу, потому что Глеб отстраняется, притягивает Софию к себе и обнимает ее за плечи. Что это за игры?

Следующие полчаса я совершенно ничего не понимаю. Мы о чем-то разговариваем, Миша то и дело обнимает меня за талию, оставляет поцелуи на моей щеке и шее и всячески демонстрирует свою любовь. Я не поклонница подоб-

ного проявления заботы и чувств, поэтому стараюсь отстраниться.

К концу все происходящее кажется мне диким фарсом. Я хочу забыть о существовании Глеба и его Софии, потому что она тоже рьяно демонстрирует любовь к предателю, который, впрочем, держится отстраненно. Единственное, что он позволяет себе за весь вечер, – это легкий поцелуй в щеку и пара ничего не значащих объятий.

– Мы, пожалуй, пойдем, – произносит наконец Миша. – Марине с утра вставать на работу, да и мне тоже, так что... мы уйдем.

Наше прощание с родителями затягивается. Давид просит Мишу на пару слов, а мама начинает убирать со стола. София выходит на улицу, говоря, что ей нужно подышать. На несколько минут мы с Глебом остаемся наедине. Он берет со стола стакан с янтарной жидкостью и залпом выпивает ее.

Я же молча смотрю на Глеба и не могу его ненавидеть. Где-то внутри зреет злость на него за то, что он сделал, но ненависти нет. Хотя должна быть.

– Ты что, реально собралась за него замуж? – с усмешкой спрашивает он.

– Ты что-то имеешь против?

– Он хороший, – комментирует Глеб. – Правильный до мозга костей. Кем он работает?

– Послушай, чего ты хочешь?

– Знаешь, что будет через пару лет? Ты построишь карье-

ру, станешь независимой взрослой женщиной и перерастешь его морально. А он так и останется каким-нибудь продавцом в KFC.

Глава 5

Я хочу возразить ему и сказать, что Миша не работает в KFC. И вообще, у него огромные перспективы, пусть конкретно сейчас он и не трудоустроен. Это и множество других слов приготовлены у меня для Глеба, но когда я открываю рот, в комнату снова заходит мама. Берет со стола тарелки, складывает их и поворачивается, чтобы уйти.

Возможность высказать все, что я думаю, до мельчайших подробностей, маячит передо мной, но увы, в комнату возвращается Давид вместе с Мишей. Не раздумывая, приближаюсь к своему парню и обвиваю его руку своими, переплетая наши пальцы.

Я хочу, чтобы Глеб не сомневался в Мише. Чтобы не думал, будто он ничего не значащий человек и я согласилась выйти за него замуж только назло. Мое согласие основано на двухлетних отношениях и четкой уверенности, что этот парень меня любит. И я буду с ним счастлива.

– Приятно было познакомиться. – Миша протягивает Глебу руку для пожатия, но тот не спешит делать ответный жест.

Все же, хмыкнув, достает руку из кармана и медленно тянет ее для рукопожатия с Мишей. Парни обмениваются незначительными взглядами, а я как репейник липну к своему и улыбаюсь во весь рот. Пусть Глеб не думает, что одно его присутствие способно выбить меня из колеи. И что я со-

мневаюсь в Мише.

– Приятного вечера, – обращается Миша ко всем и, сильнее сжав мою ладонь, ведет меня к выходу.

Я послушно слеую за ним. Чувствую, как мою спину прожигает уверенный и дерзкий взгляд, и сильнее расправляю плечи. Что бы там Глеб ни думал, а я выйду за Михаила замуж, стану его надежным тылом, и вместе у нас все получится. Никакого рассмотрения вакансий продавцов быстрой еды у него не будет.

– Малыш, как ты себя чувствуешь? – спрашивает Миша, едва мы садимся в машину.

Автомобиль достался ему от дедушки. Вернее, тот подарил ему новенькую машину на двадцатилетие. Когда мы только познакомились, у него уже была машина, и он уверенно водил ее по городу.

– Устала, – честно признаюсь. – Желудок прошел, в остальном все хорошо.

Он кивает и заводит мотор. Я всегда любила наблюдать за тем, как он водит. Миша никогда не позволял себе превышения скорости и других запрещенных действий: обгона, езды по встречной или игнорирования светофора. Находясь с ним в машине, я всегда чувствовала себя в безопасности. И сейчас это не изменилось. За ужином он выпил лишь несколько глотков шампанского, попросив больше ему не наливать. Люблю ответственных людей. И непьющих.

– Ты не против, если мы заедем ко мне? – уточняет Ми-

ша. – У меня для тебя сюрприз.

Говоря «ко мне», Миша имеет в виду однокомнатную квартиру, которую ему снимают родители. Мама и папа у него замечательные. Вежливые, внимательные и душевные люди. Мы были у них в другом городе всего несколько раз, но всегда я чувствовала себя, как дома. Даже в первую нашу встречу они приняли меня так тепло и радушно, что я мысленно добавила Мише еще один плюс.

– Давай заедем, – соглашаюсь.

Было бы глупо отказывать, понимая, что он старался, готовился, и наверняка хочет сделать мне приятно. Это нормально, и я попросту не в праве говорить «нет».

Да и не хочу. Сегодня этот вечер только наш. Пару часов назад он сделал мне предложение, а я ответила согласием. Через несколько месяцев – максимум полгода – я стану его законной женой, буду носить его фамилию, а потом рожу детишек.

Осекаю себя, осознавая, что слишком забегаю вперед. О детишках думать еще рано. В одном Глеб был прав. Я хочу карьеру. Не знаю, чем будет заниматься Миша и какой у него будет доход, но себя я вижу такой, как моя мама: сильной, уверенной в себе и независимой. Не хочу просить у мужа денег, чтобы купить себе белье и предметы первой необходимости. Видимо, желание хорошо зарабатывать у нас в крови.

Мы подъезжаем к уже знакомой парадной. Вокруг дома высажены цветы в горшочках, чисто, убрано, при входе си-

дит консьержка, которая тут же пускает нас внутрь. Родители Миши не богачи, но за квартиру платят исправно, не позволяя сыну жить где-то в общежитии.

Мы не разговаривали с ним о работе, потому что не было нужды. У Миши никогда не было проблем с деньгами: он дарил мне подарки, цветы, украшения, возил на машине, куда нужно. Я ни разу не спрашивала, собирается ли он найти работу, но после слов Глеба так захотелось узнать, какие у него планы... Знаю я только то, что в ближайшем будущем Миша собирается открыть свою IT-студию и оказывать услуги. Это прибыльно и востребовано, да и до окончания учебы ему остался всего какой-то месяц. И я уверена, что закончит он с красным дипломом.

Поднявшись на третий этаж, Миша открывает дверь и пропускает меня внутрь. На первый взгляд, квартира совершенно не изменилась. Все та же прихожая и небольшой кусочек островка, виднеющийся с кухни.

– Может, вина? – предлагает Миша.

– Нет, спасибо, – уклоняюсь от алкоголя.

– Тогда вот. – Миша достает из кармана что-то, отдаленно напоминающее темную ткань, и жестом показывает мне повернуться.

Я делаю так, как он говорит: медленно разворачиваюсь и остаюсь ждать, пока он закрепит повязку у меня на глазах. Закончив, он берет меня за руку и ведет вглубь квартиры, в спальню. Останавливает посреди комнаты и одним рывком

стаскивает повязку.

Меня ослепляет свет множества толстых, уже оплывших свеч. На покрывале лепестки роз, у кровати – небольшой столик. На нем две тарелки и пара бокалов. Миша учел то, что я люблю: приготовил мои любимые пирожные и вишневый сок.

– Хотел, чтобы этот вечер запомнился тебе надолго, – шепчет он, обнимая меня за талию и притягивая к себе. – На выходных поедем за город, отдохнем от городской суеты. Да, малыш?

Меня хватает только на слабый кивок. Нежность и ощущение, что я все делаю правильно, переполняют. Я решительно настраиваюсь на то, чтобы избегать Глеба и не позволять ему собой манипулировать. У меня есть жених. Он прекрасен. Никто и ничто не заставит меня думать иначе.

Глава 6

Первое, что я понимаю, едва открыв глаза: просыпаюсь я не дома. Осматриваю комнату, потолок и с облегчением выдыхаю, вспоминая вчерашний вечер. Это всего лишь комната Миши, а я в его кровати. Ничего ужасного не произошло. Так я думаю первые две минуты, прежде чем посмотреть на часы.

Там давно восемь, и стрелка стремительно близится к половине девятого. Ровно в девять мне на работу, на другой конец города. А еще нужно домой, потому что с собой нет одежды и документов. В десять у меня назначена встреча с одним из потенциальных клиентов. Наша компания разрабатывает для него новый дизайн интернет-магазина органических продуктов. А это прописка слоганов, составление графических элементов и куча чертежей. Впрочем, половина дела сделана, осталось только предоставить ему промежуточный отчет на утверждение.

И это должно произойти через полтора часа.

Я быстро сажусь на кровати, отмечаю, что всегда пунктуального и точного, как часы, Миши рядом со мной нет. Наверняка уже ушел в институт. Мне не нравится то, что он меня не разбудил и не предложил отвезти. Знает же, что мне на работу.

Отбросив мысли о том, почему он этого не сделал, быстро

встаю и принимаю душ, надеваю платье, в котором была вчера, и выбегаю на кухню. Там стоят тосты с фруктами и чай. Даже тут он позаботился о том, чтобы я проснулась и поела, так почему же не подумал о моей работе? Решаю спросить об этом по пути в свою квартиру. Вызываю такси, снимаю с крючка второй комплект ключей, выхожу, закрываю дверь в квартиру и спускаюсь вниз.

Такси уже ждет, и я с радостью скрываюсь в прохладном салоне автомобиля. На дорогах жуткие пробки, поэтому домой я добираюсь в десять минут десятого. Прошу водителя подождать и быстро забегаю в подъезд. В квартире стаскиваю платье, надеваю темно-синюю юбку по колени, шифоновую белую блузку с широкими свободными рукавами и длинную цепочку на шею. Критическим взглядом осматриваю себя в зеркале, поправляю прическу, которую соорудила за пару минут, запрыгиваю в лодочки на каблуках и несусь к двери, по пути прихватывая клатч, куда тут же отправляются смартфон и кошелек.

Как бы я ни спешила, а пробка не рассасывается. Я сетую на то, что время такое: многие едут на переговоры, встречи, кто-то в ресторан, чтобы позавтракать, другие уже из ресторана после завтрака.

В холле компании я оказываюсь без пяти десять. Влетаю в свой кабинет за две минуты до встречи и спрашиваю у секретарши, не прибыл ли клиент. Оказывается, и он, и Давид уже давно ждут меня в зале для собраний. Я хватаю папку и

планшет с работой и направляюсь туда.

Вхожу в зал без стука и останавливаюсь на пороге, замечая кроме Давида и нашего клиента еще и Глеба. Господи, что он здесь делает? Думала, что не увижу его до понедельника, а тут это.

Тем не менее, улыбнувшись во весь рот, делаю пару шагов к столу и сажусь на предназначенное мне место.

– Здравствуйте, – здороваюсь с Давидом и Глебом, а потом протягиваю руку нашему клиенту Борису Юрьевичу, чтобы поздороваться.

Он с молниеносной скоростью отвечает на рукопожатие, затем складывает руки на столе и выжидающе смотрит на меня. Время – деньги, всегда учили меня, поэтому я тут же раскладываю чертежи и включаю планшет с презентацией.

Под раздражающим взглядом Глеба я начинаю запинаться и пропускать слова, а еще – забывать конец начатого предложения. Злюсь на себя за то, что так реагирую, но ведь видно же, что он даже не пытается вслушаться в то, что я говорю. Лишь смотрит, оценивает, прожигает своими темными глазами, не переставая усмехаться. Забавляется моей реакцией и тем, что я не в состоянии нормально провести разговор с клиентом.

– Пожалуй, это все, что у нас есть на сегодня, – заканчиваю отчет, отключаю монитор, на котором показывала презентацию, и включаю свет.

Присутствующие немного щурятся, а я оцениваю реакцию

клиента. Он улыбается и удовлетворенно смотрит на меня.

– Должен признаться, вы идеально справились с работой. У меня есть кое-какие замечания и требования, но это так, мелочи, – кивает Борис Юрьевич. – В остальном я доволен работой вашей команды.

Лучшей похвалы и ждать не стоит. Я с удовольствием отмечаю, что и Давид смотрит с удовлетворением. Конечно, как и заметил клиент, это заслуга нашей команды, а не лично моя, но то, что я долгими часами после работы сидела и доводила проект до идеала, заставляет меня чувствовать особую гордость.

– Давид Архипович, честно, удивлен. И надеюсь продолжить сотрудничество.

– Конечно, – кивает отчим. – Но уже не со мной, а с моим сыном. Дальше со всем, что касается работы компании, новых заказов и других моментов, можно будет обратиться к Глебу Давидовичу.

– Решили отойти от дел? – уточняет Борис Юрьевич.

– Хочу уделять максимум времени семье, – кивает Давид и поднимается. – Если ко мне вопросов нет, вынужден откланяться, у меня назначена еще одна встреча. Марина Павловна в вашем распоряжении. Да и Глеб тоже.

Давид уходит, оставляя нас один на один с клиентом. А еще – меня и Глеба вместе. Решаю полностью игнорировать его присутствие и переговариваюсь с клиентом. Записываю его замечания, киваю или же задаю уточняющие вопросы,

если не понимаю, о чем он. За час мы шлифуем проект дизайна его интернет-магазина до нужного блеска.

– Сколько времени потребуется на внесение правок?

– До недели, – отвечаю. – Раньше, увы, не сможем, так как мы в любом случае перепроверяем все несколько раз, чтобы не было нестыковок и неточностей.

– Отлично. – Борис Юрьевич встает и протягивает руку вначале мне, а потом Глебу. – Жду от вас вестей об окончании проекта.

Он удаляется, а я наконец могу выдохнуть. Я не только успела на встречу, но и провела ее почти идеально. Сделала все возможное, чтобы клиент остался доволен. Настолько погружаюсь в себя, что на мгновение забываю, что здесь есть Глеб. Поэтому вздрагиваю, слыша:

– Знаешь, я удивлен...

Перевожу на него взгляд и пытаюсь понять, что он имеет в виду.

– Ты молодец. Но на работу все же опоздала. Пока здесь всем заправляет отец – пожалуйста. Но как только в директорское кресло сяду я, попрошу приезжать вовремя, – строго чеканит он. – Не люблю, когда опаздывают на работу, пусть и по уважительным причинам.

Глава 7

Три года назад

– Что происходит? – натянута спрашивает мама, когда во время ужина между нами повисает неловкая пауза.

Я утыкаюсь носом в салат и перестаю дышать и даже смотреть в сторону Глеба, хотя несколько минут назад смело отвечала ему и даже испепеляла взглядом, готовая тут же броситься и разорвать его на части. Знает же, что нам нельзя быть вместе, но все равно лезет ко мне. По-другому, видимо, не умеет.

– Почему вы ведете себя, как кошка с собакой? – строго спрашивает мама и смотрит на меня.

Глеб встает из-за стола.

– Спасибо. Что-то есть перехотелось.

– Сядь! – неожиданно рявкает Давид.

Я не ожидаю такого от него, поэтому аж подпрыгиваю на месте. Внутри неприятно жжет: сколько себя помню, всегда боялась повышенного тона и ссор. Именно поэтому мама тут же кладет руку на плечо Давиду и просит его успокоиться и отпустить сына. Глеб поднимается, а я ковыряю тарелку.

– Можно и мне тоже?

Мама кивает, и я встаю из-за стола. На часах половина девятого. Глеб выходит из дома, громко хлопнув дверью. Уже у себя в комнате прислушиваюсь к звукам, доносящимся снизу, но ни повышенных голосов, ни ругани не слышу. Это еще одна причина, по которой я попросила Глеба держаться от меня подальше. Мама счастлива с Давидом. Он не позволяет себе лишнего, не кричит на нее, они не ссорятся, и мама вся светится. Наши отношения со сводным братом заранее провальны, особенно после всего, что маме пришлось пережить с журналистами.

Когда в десять, одиннадцать и двенадцать Глеб не приходит, я устало ложусь на кровать, чтобы уснуть. Не уверена, что у меня получится. Как бы там ни было, а я переживаю за него, волнуюсь, чтобы с ним что-нибудь не случилось, и... мне неприятно признаваться в этом самой себе, но ревную. Так безумно ревную, что сердце готово выпрыгнуть из груди.

Наконец слышится шум подъезжающего автомобиля. Я облегченно выдыхаю и бросаю взгляд на часы: половина второго. Где он был так долго? Наверняка позвонил одной из своих девчонок и поехал развлекаться, думаю я и поворачиваюсь набок, натягивая одеяло повыше.

Стук шагов разносится по коридору и затихает у двери моей комнаты. Сердце екает и пропускает пару бешеных ударов, к горлу подкатывает ком, не позволяющий сделать вдох. Я хочу и не хочу, чтобы человек по ту сторону двери вошел.

Разочарованный вздох слетает с моих губ и заполняет

комнату, когда Глеб идет дальше. Минует мою дверь и идет к себе. А через мгновение я снова слышу шаги, после чего дверь так резко открывается, что я едва успеваю закрыть глаза.

Он здесь.

В моей комнате.

В нескольких метрах от меня.

Его шумное дыхание и запах парфюма тут же забиваются в ноздри. Я хочу сделать вдох, но боюсь привлечь его внимание. Пока он у двери – я в безопасности. Глеб не поймет, что я не сплю.

– Ты никогда не умела притворяться, – с усмешкой произносит он, и я с ужасом открываю глаза.

Он беззвучно подошел и сейчас стоит над моей кроватью. На его лице блестит самоуверенная улыбка, обнажающая ряд белоснежных зубов, а взгляд направлен прямо на меня.

– Не спишь, – констатирует он и приседает на корточки у моей головы.

Хочу отвернуться и показать ему, что мне вовсе не интересно, где он был, и я совсем не обижена, но на деле это совсем не так. Да и Глеб не дает мне отвернуться. Вместо этого хватает меня за подбородок и вынуждает посмотреть ему в глаза.

– Почему не спала? – резко спрашивает он. – Меня ждала?

Поначалу я думаю, что Глеб пьян, настолько он растягивает слова, когда говорит со мной, но запаха алкоголя не чув-

ствую.

– Еще чего, – дерзко отвечаю, поклявшись себе, что он не узнает правду. – Бессонница.

– Какая же ты врунишка, Марина, – смеется Глеб и подается вперед.

Обхватывает ладонью мое лицо и гладит скулу большим пальцем. Мое дыхание сбивается. Я пытаюсь сделать глубокий вдох, но у меня не выходит. Не получается даже дышать в его присутствии. Сердце колотится, а на ум не приходит ничего лучше, кроме как ухватиться за его ладонь, чтобы сбросить ее.

Вместо этого Глеб перехватывает мою руку и переплетает наши пальцы, уводя ладонь за мою голову и прижимая меня к кровати. Он нависает надо мной и щурится, всматриваясь в лицо. Буквально ощупывает взглядом и на выдохе произносит:

– Что же ты делаешь, малыш?

Его голос звучит хрипло и будто срываясь. Я же чувствую, как вся моя уверенность летит в пропасть. Его руки на моей щеке, дыхание в опасной близости от лица. Сейчас не хочется, чтобы он уходил. Я не думаю о расставании и о том, что мы не принадлежим друг другу и не можем быть вместе.

– Отпусти, – тихо шепчу, неумело выставляя между нами руку и не позволяя ему касаться моих губ.

– Не хочу, – упрямо мотает головой Глеб и продолжает смотреть на мои губы, а затем – в глаза. – Не хочу, Марина.

С тобой быть хочу, слышишь, малыш? С тобой, дурочка, ни одна другая меня не вставляет. Не ведет так от других. Только от тебя.

Его речь звучит бессвязно и безумно, но до боли приятно. Хочется слушать и слушать, потому что у меня на душе почти то же самое. Я хочу быть с ним, чувствовать его рядом, знать, что он не гуляет с другой. Я уже видела его с девчонками, и это сжигало меня. Смогу ли я забыть Глеба и однажды спокойно смотреть, как он целует другую? Как не просто мило общается, а берет ее за руку, склоняется к губам и...

Нет. Я отчаянно мотаю головой, чтобы прогнать эти видения. Вырвать их из души и не думать.

– Твою мать, Марина!

Голос Глеба теперь такой, что я едва различаю слова. Ощущение, что он бежал долгую дистанцию и резко остановился, из-за чего его дыхание сбилось, стало прерывистым и непривычно тяжелым. Не сразу понимаю, что его губы касаются моих, что он умело целует меня и не позволяет отстраниться даже тогда, когда я делаю попытки оттолкнуть его.

– Я не отпущу тебя, слышишь? – шепчет он в перерывах между поцелуями. – Плевать на отца и скандал. Плевать, малыш, я заберу тебя, увезу.

Я верю ему. Каждому слову верю и хочу, чтобы так было. Чтобы он забрал меня, увез туда, где мы сможем быть вместе. Моя любовь к нему глупая, одержимая и... первая.

Я боюсь, что она пройдет, но сил с ней бороться нет. Когда он не рядом, сердце болит и кровоточит, а тело отказывается есть, спать и даже дышать.

Глава 8

Глеб изменился. Я не сразу поняла это, потому что вчера эмоции были сильнее меня, но он другой. Будто вырос и возмужал. А еще – стал в разы нахальнее, чем прежде. Его взгляд, уверенный и цепкий, проходится по моему лицу и останавливается на губах. Закатив глаза, машу перед его лицом рукой.

– Глеб Давидович, чтобы смотреть мне в глаза, нужно поднять взгляд повыше, – комментирую я и встречаюсь с его взглядом.

Он смотрит так же, как и тогда. В одном я ошиблась. Взгляд его все так же пробирает до костей, все так же заставляет меня чувствовать себя неуверенной маленькой девочкой, какой я была три года назад. Неопытной и несмышленной, готовой поверить в любовь парня, который сначала наобещал, а потом нашел другую.

В груди все еще больно сжимается, когда я смотрю на него. Воспоминания рисуют картины одну за другой. Слова, что Глеб говорил мне, обещания, которыми он сыпал, и убеждение, что он никогда, никогда меня не отпустит и не отдаст.

Глеб стоит в паре шагов от меня, и я позволяю себе пройтись взглядом по его строгому лицу. Сейчас он не выглядит тем взбалмошным, не думающим ни о чем парнем, каким

был несколько лет назад.

Глеб вырос. Его взгляд стал жестче, черты лица теперь более четкие. Под глазами залегли тени, будто последний месяц он спал по несколько часов в день, а не как полагается нормальному человеку. В целом же он все тот же Глеб. Даже прическа – и та не изменилась. У него темные волосы с ирокезом и коротко выбритыми боками. А еще щетина, которую раньше он гладко сбрасывал. Сейчас она делает его взрослее и серьезнее.

– Мои глаза тоже выше, Марина, – глухо говорит он и делает шаг ко мне.

Я будто вынырываю из сна и отворачиваюсь, чтобы взять со стола папку с документами и наконец отойти.

– Я все поняла, Глеб Давидович. Впредь никаких опозданий.

Он чуть кривится, будто ему самому неприятно поставленное условие. Да что греха таить, мы не сможем нормально работать, это заметно. Глеб будет напирать и ставить условия, а я не смогу им следовать. Даже сейчас. Он сказал об опоздании, и мне уже интуитивно хочется задержаться в следующий раз, проверив его терпение на прочность.

Разворачиваюсь и дефилирую к двери, но Глеб останавливает меня на полпути словами:

– Как прошел вечер в компании жениха?

– Лучше, чем я могла себе представить, – язвительный тон с каплей яда стекает с моих губ. – Мы поехали к нему,

он устроил мне романтический вечер и ночь. – Я закатываю глаза от удовольствия, мычу что-то нечленораздельное, а потом, будто придя в себя, говорю: – В общем, я не забуду это предложение всю жизнь. А твоя ночь как прошла? – освещаясь у него.

– Шикарно, – шипит Глеб. – Ты же видела мою девушку.

Конечно, видела. Ноги от ушей, грудь на порядок больше моей, круглые бедра и аппетитная пятая точка. Это он сейчас дает мне понять, что я заметно проигрываю? Вот же...

– Рада за вас. Вдруг ты тоже решишь жениться.

Глеб улыбается сквозь зубы, а я толкаю дверь и вываливаюсь в коридор, где меня уже поджидает Оленька. Мы вместе работаем над проектом, который только что обсуждали, и она явно волнуется. Хватает меня под руку и ошарашенно произносит:

– Ты видела? Видела нашего нового начальника?

Я закатываю глаза. Вот почему вместо того, чтобы спросить, как дела по проекту, одобрили его или нет, она снова вспоминает о Глебе? Еще и с таким придыханием, будто успела рассмотреть все его прелести в малейших деталях.

– Оля! – восклицаю я. – Если ты забыла, он сын нашего директора, а Давид Архипович мне кто?

Даю ей пару минут осмыслить услышанное, после чего она изрекает:

– Очуметь! Это твой сводный брат? Капе-е-е-е-ец!

Оля шумно дышит и даже выхватывает у меня из рук ту

самую папку с проектом, о котором она благополучно забыла. Обмахивается ею и, бросив взгляд на документы, производит:

– А как проект?

– Я думала, ты уже не спросишь.

Злиться на Олю невозможно. Она – моя лучшая подруга. Правда, подружились мы далеко не сразу. После моего первого рабочего дня мы чуть не подрались, а вот после корпоратива, на котором изрядно поднабрались, вдруг сошлись характерами.

– Ну так как?

– Принял, как. Отлично мы с тобой поработали.

– Слу-у-у-ушай, а братец твой это... занят?

Оля – вечная одинокая лань. Сколько я ее помню, никогда и ни с кем она не встречалась. И вот внешне красивая девчонка: стройная, изящная, со светлой чистой кожей, да и не глупая, но... парни ей часто не подходят. Тот кривой, тот косо́й, тот еще какой-то... Но азарт и интерес при виде Глеба у нее заметно проснулись. Я бы и рада сказать, что он свободен, но длинноногая модель, что пришла с ним на ужин к родителям, не дает моей подруге даже шанса.

– Вынуждена тебя разочаровать, он занят по меньшей мере «мисс Геленджик две тысячи шестнадцать».

Я, конечно же, вру. Никакой она не Геленджик. Скорее, мисс Нью-Йорк, ухоженная и стройная. А еще я понимаю, что ее прическа стоит как мой образ вместе взятый. Инте-

ресно, ей Глеб баблишка подкидывает или она сама?

В кабинете, куда мы с Олей приходим, нас уже ждут коллеги по дальнейшей судьбе проекта. Леня – молодой и перспективный парень, Жора – хорошо знающий свое дело, ну и Света. Ее я не люблю, считая, что она получила эту работу незаслуженно. И сидит на ней тоже не за свои заслуги. Работает она плохо, лишь изредка предлагает что-то действительно стоящее, и я даже решила, что скажу Давиду об этом, но все как-то не доходили руки. Теперь, по всей видимости, только к Глебу.

– Итак, вы уже знаете, что с понедельника у нас меняется начальник. Ничего существенного и кардинального не произойдет, так как Глеб Давидович лишь сын Давида. Компания продолжит работать в штатном режиме, но... – Я обвожу взглядом коллектив. – Советую поднапрячься и выложиться по полной, а еще – не опаздывать. На этот счет я уже получила указания от новоиспеченного главы компании.

Дождавшись понимающих кивков, отпускаю коллектив работать. Собираюсь сесть за рабочий стол, как на телефон поступает звонок от Давида. Он просит меня зайти к нему в кабинет. Глеб, оказывается, хочет поговорить.

Раздраженно закатив глаза, собираюсь выйти, но в этот момент телефон оповещает о новом входящем звонке. «Миша», – высвечивается на экране. Не задумываясь, взмахиваю пальцем и принимаю звонок.

– Доброе утро, малыш, – щебечет он в трубку. – Как спа-

лось?

– Отлично. – Я сажусь в свое кресло и все же не могу сдерживать укор: – Но спалось бы еще лучше, если бы ты разбудил меня. А так я опоздала на работу.

– Ты так сладко спала...

Миша точно знает, чем меня задобрить. Его тон звучит успокаивающе и немного виновато, а еще – с такой огромной долей нежности, что я тут же прощаю ему то, что он меня не разбудил. В конце концов, все же хорошо? Меня не уволили. Так, получила выговор от недона начальника, но это скорее предвзятость.

– Насчет выходных все в силе, малыш, – уведомляет Миша. – Я собираюсь отвезти тебя за город. Ты как? Получается?

– Конечно! – активно киваю я.

– Отлично. Там и обсудим дату свадьбы.

– Угу.

– Марина Павловна! – слышу злой рык, доносящийся с порога моего кабинета, и ойкаю, понимая, что совершенно забыла о том, что меня звали к начальнику.

– Миша, мне пора, – успеваю проговорить, прежде чем к моему столу подходит разозленный Глеб.

– И что это было? – уточняет он. – Так соскучилась по своему жениху, что игнорируешь начальство? Это второй косяк по его вине, – ухмыляется Глеб. – Первый – опоздание.

– Послушай... – Я резко встаю и кладу руки на стол, опи-

раясь ладонями о деревянную столешницу. – Ты мой начальник только с понедельника. До этого времени я вправе выставить тебя за дверь и подчиняться только твоему отцу.

Его взгляд мрачнеет, а я едва не визжу от триумфальной победы.

– Выйдите за дверь, Глеб Давидович.

Глеб внезапно наваливается на стол, упирается в него бедрами, кладет одну руку между моих ладоней и смотрит так, что я хочу дернуться, но он не позволяет. Перемещает широкую ладонь мне на затылок, толкая на себя так, что я оказываюсь в паре сантиметров от его лица.

– Никогда, Марина, никогда не разговаривай со мной так. Ты, черт возьми, потеряла это право.

Он отпускает меня и выходит из кабинета так же быстро, как и вошел. Я же остаюсь стоять на месте и давиться ментоловым запахом и недоумением.

Потеряла право? Я? Я?!

Глава 9

– Мариша, в субботу жду тебя в гости.

Звонок мамы приходится на обеденный перерыв, о котором я благополучно забыла и осталась, чтобы закончить кое-какие мелочи по проекту.

– В субботу не получится, мам, мы с Мишей едем за город, чтобы провести несколько дней вместе и обсудить дату свадьбы.

Я всегда радовалась встречам с мамой, но сейчас хорошо, что все так сложилось и мне не придется идти к ним в гости. Я боюсь вопросов и откровений, которых она потребует.

– Милая, вы не торопитесь? – голос мамы, как обычно, звучит с заботой.

– Ты о чем?

– О свадьбе, Мариш. Ты уверена, что хочешь за Мишу замуж?

Мама никогда не сомневалась в моих решениях, никогда не переспрашивала, даже если понимала, что я поступаю не совсем правильно. И сейчас ее вопрос выбивает меня из колеи. Что значит – уверена ли я в своем решении? Я ведь уже приняла его.

– Конечно уверена, – улыбаюсь, мысленно представляя себя в роли невесты. Фата, белое платье...

– Извини, что спрашиваю, просто не хочу, чтобы ты жа-

лела.

– Мам, ты же знаешь Мишу, – давлю на вечное. На то, что Миша – идеальный кандидат на роль мужа.

– Знаю, – соглашается мама. – Поэтому и спрашиваю, Мариш. Миша он... – Она ненадолго замолкает, будто думая, говорить или нет, а я изучаю маникюр и боюсь ее такой. – Он хороший, Мариш, ты не подумай, – после паузы продолжает мама. – Просто... ты его любишь?

– Мам...

– Мариш, приедь ко мне сегодня? – уговаривает мама. – Или завтра. До выходных. Я хочу с тобой поговорить.

– Да, конечно, – поспешно соглашаюсь я. – Давай завтра после работы, ладно?

– Я буду ждать.

– Прости, мам, мне нужно закончить, пока я не забыла.

Я отключаюсь и бездумно смотрю впереди себя. Мы поговорили пару минут, а в груди щемит так, что я прикладываю руку к центру и тру, тру, пока не становится теплее. Не могу понять, как получилось так, что мама засомневалась. Она никогда не спрашивала о наших с Мишей отношениях, не говорила мне подумать, взвесить, определиться, в конце концов.

От тревожных мыслей меня отвлекает Оля.

– Марина... Ты снова без обеда! – восклицает она и без разрешения входит в кабинет. Ставит на стол пакет из «Старбакса» и кивает на него со словами: – Вкусный кофе и биск-

вит. Перекуси хотя бы.

– Спасибо.

– Покажи то, что получается?

Я протягиваю Оле проект и жду ее утверждения. Мы всегда так. Я делаю, она смотрит, и наоборот. Мы привыкли дополнять друг друга и доверять. Даже правки после других мы вносим вместе.

– Это шикарно, – наконец говорит она. – Вот здесь бы, правда, я сменила на оранжевый, но в целом...

Я заглядываю туда, куда она показывает, и киваю:

– Ты права, оранжевый будет лучше.

– Расскажешь, что случилось?

Вопрос застает меня врасплох. Я поднимаю на подругу взгляд и несколько минут не могу прийти в себя. Она о чем? О том, что случилось в кабинете? Или вчера на ужине?

– Ты какая-то рассеянная и задумчивая, – комментирует Оля.

– Вчера Миша сделал мне предложение, – с улыбкой произношу я. – И я дала согласие.

– Господи, это же... Это... Боже, я так рада!

Оля подпрыгивает со своего места и быстро огибает стол. Подходит ближе и заключает меня в объятия. Вот такая она: солнечная, радостная, настоящая подруга. Она и Лидка – единственные, кому я могу довериться. Правда, Оле так и не решилась рассказать о Глебе. Когда мы стали подругами, воспоминания о нем уже не вызывали столько боли. Да и я

встречалась с Мишей.

– Поздравляю, Марина! Дату свадьбы уже выбрали?

– Еще нет. Послезавтра уезжаем за город, Миша хочет отдохнуть и провести время вместе.

– Господи, ты выходишь замуж... – Оля все еще пребывает в шоке. Смотрит на меня как-то подозрительно, будто решает, спрашивать или нет, но наконец задает вопрос: – А ты его любишь?

Они там что... сговорились?

– Ну ты же знаешь, какой он. Его невозможно не любить.

Оля кивает, дескать, действительно, чего это я спрашиваю, с женихом твоим знакома, он идеален.

Нашу идиллию прерывает стук в дверь. Я громко кричу: «Войдите!» и кривлюсь, когда на пороге показывается Глеб.

– У меня пара вопросов, – комментирует он свое прибытие. – Мы можем обсудить их наедине?

– Заходите, Глеб Давидович. Оля, обсудим оставшуюся часть позже.

Подруга кивает и, бросив восхищенный взгляд на Глеба, идет к двери. Там она останавливается, осматривает моего брата сзади и закатив глаза от наслаждения, произносит одними губами:

– БОГ.

Я отмахиваюсь от нее и жду, пока за ней закроются двери. Сама же сажусь в кресло и беру стакан с кофе, что мне принесла Оля.

– О чем ты хотел поговорить?

– В понедельник я приступаю к работе и хотел бы изучить все заранее. Отца просить не буду. Они с мамой вроде как собираются посвятить выходные друг другу, поэтому... ты не могла бы мне помочь?

– С чем?

– С коллективом. Я бы хотел, чтобы ты рассказала немного о сотрудниках, составила характеристики. Мне нужно знать, кто чего стоит, к кому стоит присмотреться тщательней. Ты отлично с этим справишься.

– Ты требуешь, чтобы я настучала на коллег? – не без удивления спрашиваю я.

– Я требую, чтобы ты составила реальные характеристики каждому.

– Послушай, Глеб. Я могу сделать это только по своему отделу, потому что с остальными знакома так же близко, как и ты.

– Хорошо, составь по своему отделу, – соглашается он.

– И не собираюсь стучать на тех, с кем проработала не один месяц.

– Я не прошу тебя стучать! – восклицает он. – Я хочу понимать, что стоит изменить в компании.

– И кого уволить, – киваю я.

– Не без этого, – соглашается Глеб. – Так ты поможешь?

– Нет, – мотаю головой. – Я не стану доносить на сотрудников, чтобы ты мог с легкостью дать им пинка под зад. Каж-

дый из них проработал в компании не один месяц. Вложил сюда свои знания, навыки и умения. Каждый из них достойней, чем... – Замолкаю, понимая, что чуть не сказала «достойней, чем ты».

– Достойней меня, да? – с горечью произносит он.

– Да. Ты приехал из-за границы и сразу стал главой компании, – с осуждением говорю я. – И собираешься начать работу с увольнений. При этом просишь меня донести на тех, кто плохо работает. – Зря, конечно, я пытаюсь воззвать к его совести. Это же Царев. Нет у него совести.

– Я всего лишь хочу повысить уровень компании.

– Уволив сотрудников?

– Избавившись от бесполезного балласта.

– Я не буду тебе помогать. А даже если бы и хотела... В субботу я уезжаю за город со своим женихом. Времени составлять характеристики у меня нет.

– Собираетесь отпраздновать помолвку? – с издевкой спрашивает он. – Вчера не получилось? Мишутка перебрал?

– Ты перегибаешь.

– А ты выходишь замуж за слюнтя и маменькиного сынка. Ты что, не видишь, какой он?

– Прекрасный, – со злостью произношу я. – Удивительный, добрый, нежный, любящий, внимательный и заботливый. Лучший мужчина, которого я встречала на своем пути. Продолжать?

– Заткнись, – резко говорит он.

– Что? – ошеломленно спрашиваю я.

– Лучший, говоришь? – вдруг переспрашивает он и так резко подходит ко мне, что я не успеваю ничего сделать.

Ни отойти, ни отшатнуться, ни выставить руку, чтобы увеличить разделяющее нас расстояние. Я полностью дезориентирована из-за его близости, из-за знакомого запаха, который тут же пробивается в ноздри. В глаза бросается темно-синяя рубашка с идеально острым воротником и светлая кожа шеи. Взглянуть выше не решаюсь, потому что там он. Его взгляд и губы, вкус которых я помню до сих пор.

– Ты каждому это говоришь? – спрашивает Глеб, возвращая меня в прошлое. В воспоминания, о которых я предпочла бы забыть.

Глава 10

Глеб

– Привет, бро! Как ты там, обустроился на новом месте? – спрашивает Томми, едва я отвечаю на звонок.

– Да нормально. Вот, вышел из батиного офиса.

– Ты теперь будешь важной шишкой в своей России, да?

Томми – мой Нью-Йоркский друг. Мы познакомились в первый же месяц моего приезда. Вместе учились, сдавали экзамены, списывали и опаздывали на пары, а спустя полгода даже сняли одну квартиру на двоих. Весело было, в общем.

– Ага, – смеюсь. – Великим начальником буду. Вместо папы.

– А к нам? – задает вопрос друг. – Не вернешься?

Вот положи руку на сердце, я бы с радостью. Чтобы к черту выбросить Марину из головы, забыть и снова окунуться в беззаботные три года. Насладиться спокойствием и тусовками, девчонками, которых я мог менять как перчатки. Свободой, которой здесь у меня не будет, потому что тут Марина.

– Хочу, бро, – отвечаю честно. – Но отец непустит. Да и это... Ему реально помощь нужна.

Если б не папа, я бы не приехал. Но отец позвонил, по-

просил прилететь, стать во главе компании. У него, оказывается, какие-то проблемы со здоровьем. Ни Мила, ни Марина о них, естественно, не знают, и все обстоит так, будто он просто хочет больше времени проводить с семьей. Я знаю правду, и она меня пугает. Не хочется, чтобы с отцом что-либо случилось. Он единственный родной мне человек. Да, где-то есть и мать, но она бросила меня и забыла. Возможно, ее уже и нет в живых. Есть еще, конечно, Мила и Марина. А еще брат Кирилл, но отец – святое.

– Понимаю. А к тебе можно?

– Ну что за вопросы, Томми, прилетай, конечно. Прокачу тебя по стране, покажу наши дороги.

Друг смеется, а я отвлекаюсь. Стою на улице, засунув руки в карманы, и осматриваюсь. Несколько часов прошло, как я пересекся с Мариной, а в груди до сих пор болит так, что хочется раскрошить к чертям остановку неподалеку. Или врезать кому-нибудь, на крайняк. Сделать хоть что-то, чтобы забыть о ее запахе, о глазах, которые смотрели на меня так, что в голове кроме самых непристойных мыслей больше ничего не было.

И не отпускает, зараза.

– А как там твоя русская девушка? – со смехом спрашивает Томми. – Та, помнишь, что должна была к тебе приехать?

– Помню. Нормально. Забыл я ее, бро, как и говорил.

Врать, конечно, плохо. А лучшему другу – вдвойне. Но что ему сказать? Что я лох, потому что даже через три года

меня ведет от нее так, что в голове не остается ни одной умной мысли, да и неумной тоже? Я превращаюсь в овощ, несу всякий бред и выдаю себя, выдаю, черт его дери, то, что она знать не должна. Весь образ коту под хвост. А я ведь хочу, чтобы она думала, что я ее бросил, что именно мне она на фиг не сдалась. Она должна так думать.

– Приеду – познакомишь нас, а? По рассказам, она горячая штучка, Глеб.

– Заткнись.

Друг смеется так, что я даже за тысячи километров от него получаю энергетику веселья и иронии.

– Я хочу ее видеть, бро, хочу, – последнее, что он говорит, после чего мы прощаемся.

Томми еще не знает, что Марина – моя сводная сестра. Этот факт я благополучно опустил, да и рассказывал о ней мало. Что говорить? Сказал лишь, что должна приехать девочка, а когда не приехала, объяснил, что она нашла другого.

Трель мобильного снова вырывает меня из раздумий. Я не глядя отвечаю на звонок отца.

– Ну как там, Глеб? Получается?

Он переживает. Осознаю, что если бы не болезнь, не видать мне компании, как своих ушей. Он бы ни за что не поставил меня во главе именно сейчас. Лет через пять, да и то на должность какого-то заместителя, а тут... сразу в директора. В Нью-Йорке я, конечно, получил достойное образование, но здесь даже устройство компании другое. Там подли-

жи, тут подмажь, ну и кадры, конечно. Сотрудников искать сложнее всего. Едва ли не каждый пытается урвать себе кусок. Отсюда и недостачи, которые я обнаружил.

– Все хорошо, пап, – вру я. – Заеду вечером, перетрем. Я кое-что нашел.

– Конечно.

– Ты как? У врача был?

– У врача? – уточняет отец. – А... да, был. Все без изменений. Я думаю, что лечение даст свое, – уже бодрее отвечает он. – Все будет хорошо. Жду тебя.

На время, что я буду главой компании, папа разрешил мне пользоваться его автомобилями. Вот обрадовался бы в другой раз, но что-то мне не до веселья. Он же молодой у меня, ему бы работать и работать еще. Сын второй только родился, да и счастье в виде Милы он тоже только обрел.

Едва успеваю сесть в машину, когда на телефон снова поступает звонок. На этот раз от Милы.

– Да?

– Глебушка, привет, – тут же начинает она. – Я по делу.

Вот за что она мне нравится, так это за прямолинейность и откровенность. Если Миле что-то нужно, она позвонит и в лоб спросит.

– Ты можешь Марину забрать? Она ко мне сегодня собиралась. Привези ее, пожалуйста, а то она, как обычно, засидится в офисе допоздна и не приедет. А я соскучилась. Да и Кирилл.

Так хочется отказать. Придумать что угодно и сказать: «Не могу, извините, Мила, в другой раз», но вместо этого киваю и произношу:

– Да, хорошо. Прямо сейчас за ней пойду.

Идти куда не нужно. Как раз в этот момент Марина выходит из дверей компании и осматривается. Последний раз вздохнув, выхожу из машины и зову ее.

– Садись, нам по пути, я как раз к отцу еду.

Она смотрит на меня так, будто я предложил не в машину ко мне сесть, а кирпичи помочь загрузить.

– Ну что, Марина? Мама твоя звонила, сказала, что ты к ней едешь. Забрать попросила.

Она кивает, но идти не спешит. Это же Марина, напоминаю себе. Упрямая, своевольная, до дрожи бесячая и желанная, как ни одна другая девушка.

– Ну что застыла? Жару в машину запускаю.

– За мной Миша едет, – комментирует она. – Мы сначала на ужин.

Да, точно! Облезлый этот ее. И где она его только нарыла? Выглядит, как продавец-ботаник из кафе быстрого питания. И видно же по нему, что никаких перспектив у паренька, а нет... такую девку отхватил.

– И скоро приедет?

– Да уже должен.

Она растерянно выискивает его взглядом, а я, выругавшись, сажусь в машину. И почему-то не еду. Жду, когда этот

кошак полинявший придет и заберет ее. Пять минут жду, десять... Почти все сотрудники уже разошлись. Марина заметно нервничает, оглядываясь и что-то набирая в телефоне. Он что, забыл, что должен за ней приехать? Вот не зря он мне не понравился.

– Марин! – кричу, открывая дверь пассажирского сидения. – Поехали, накрылся твой ужин.

Она смотрит сначала вправо, потом влево, и только после этого фокусирует взгляд на мне и идет к машине. Садится на пассажирское сиденье, пытается пристегнуться и наполняет автомобиль своим запахом, который тут же забивается в нос и заставляет меня задержать дыхание.

Я помогаю ей с ремнем безопасности и отворачиваюсь, смотря на дорогу. Вот бесит же так, что придушить хочется. Рана в груди слишком болит, чтобы забыть, но один фиг тянет невыносимо. Всегда тянуло. За тысячи километров от нее был, а хотелось позвонить и спросить, как она там? Совесть не мучает? Не думает обо мне, не вспоминает? Хотел, но не позволял себе, устраивая ночные вылазки и сбрасывая напряжение.

Спросить и сейчас хочется, но я упорно молчу. Три года прошло. Срок годности закончился.

Глава 11

Марина

По пути к дому родителей я заметно нервничаю и то и дело проверяю телефон. Изучаю сообщения и заново набираю номер Миши, но он вначале не отвечает, а потом и вообще находится вне зоны действия сети. Поначалу я думаю, что он просто забыл о встрече, но чем дольше он отключен, тем сильнее я себя накручиваю. Что, если с ним что-то случилось?

– От того, что ты будешь зомбировать телефон, он не звонит, – звучит раздражающий голос слева.

– Не твое дело! – рявкаю в ответ и отворачиваюсь к окну.

Из-за пробок мы добираемся до дома родителей слишком долго. Сегодня, по видимому, все решили, что им срочно нужно за город, а потому мы едем уже на тридцать минут дольше, а половины пути еще не проехали.

– Слушай, там по картам нигде свернуть нельзя?

Мне едва удастся скрывать раздражение. Я нервничаю, сердце бьется чаще обычного. А еще Глеб, которому я как кость в горле.

– Думаешь, все впереди нас такие тупые, что не смотрят

на возможность объезда? – с ухмылкой спрашивает он. – Сетуй на Мишутку своего. Он же явно о тебе забыл.

– Да что ты знаешь! – Договорить не получается, потому что как раз в этот момент звонит мой телефон. На экране высвечивается «Мишенька», и я тут же жму «Ответить».

– Мариш, – виновато произносит он в трубку, – прости, я немного задержался. Тут у соседки проблемы. Она попросила помочь.

– С тобой все в порядке? – задаю вопрос, что мучил меня все это время.

– Что? А, да, конечно. Просто соседка пожилая бабушка, а у нее трубу прорвало. Сыну ехать далеко, она меня попросила, ну я и это... помог. Ты дома уже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.